

Ло Наньшэн знала, что если она не объяснится сегодня, то ей, пожалуй, и не дадут уснуть, поэтому пришлось послушно ответить:

— Нет. Девушки всегда казались мне самыми милыми, и я не против их тяги к своему полу. Я просто искренне терпеть не могу девушек, которые не ценят себя, особенно тех, кто использует собственное тело как орудие, пытаюсь соблазнить других ради достижения своих целей.

Ся Чудин удивленно прикрыла рот рукой:

— Она... она пыталась соблазнить тебя?

Ло Наньшэн смерила ее взглядом с головы до ног и многозначительно произнесла:

— Будем надеяться, что ты сегодня не преследуешь ту же цель.

Ся Чудин замерла, захлопала ресницами и принялась растерянно озираться по сторонам. Разве могла она признаться, что сегодня в самом начале действительно преследовала именно эту цель? Просто из-за череды событий в семье Ло она испугалась и начисто об этом забыла.

Ло Наньшэн подтянула повыше одеяло, укрывая ее, и мягко посоветовала:

— Каким бы сильным ни было твое чувство к человеку, никогда не используй себя в качестве разменной монеты. Иначе, когда придет день раскаяния, ты даже не найдешь места, где можно выплакаться.

В глазах же Ся Чудин мелькнула радость. Придвинувшись к самому ее уху, она шепотом произнесла:

— Ло Наньшэн, я ведь небезразлична тебе, верно?

Иначе почему, отчетливо слыша в голосе Ло Наньшэн презрение к тем, кто пытается соблазнить ее при помощи тела, и понимая, что ее собственные намерения были раскрыты, она не вызвала отвращения?

Ло Наньшэн закрыла глаза:

— Спи давай.

Ся Чудин лукаво улыбнулась, легла, обняла ее за руку и тоже закрыла глаза.

Битва учеников с учителем

После снегопада похолодало еще сильнее. К счастью, в первой школе были прекрасные условия, и батареи топили на славу. Тем не менее резкий перепад температур стоило только

выйти наружу, давался многим ученикам с большим трудом. Число простуженных и кашляющих росло чуть ли не ежедневно: стоило заболеть одному, как вирус цеплял следующего. Не прошло и много времени, как слегла больной почти половина класса. Однако приближался выпускной класс, большая часть первого семестра уже осталась позади, и школьники испытывали колоссальное психологическое давление. О том, чтобы пропустить занятия по болезни, не было и речи — даже на переменках погулять выходили всё реже и реже.

У Ся Чуцин был слабый иммунитет, и она заболела в самую первую волну простуды вместе с другими учениками. Болезнь затянулась на полмесяца и никак не проходила, так что она заездила Ло Наньшэн до смерти: то принеси воды, то подай салфетку. Ло Наньшэн извели до такой степени, что у нее и злиться-то сил не осталось.

На перемене Ся Чуцин снова уткнулась лицом в парту, жалуясь, что у нее ужасно болит горло. Ло Наньшэн пришлось отложить ручку и идти за водой. Посередине каждого этажа учебного корпуса в первой школе располагалась комната с кипятком, набирать воду было очень удобно. Едва дойдя до двери и еще не успев войти, Ло Наньшэн услышала голоса двух учителей.

— Бедняга, такая кроха — и столько натерпелась. Говорят, врачи на днях внезапно обнаружили проблемы с сердцем, даже операция невозможна.

— Получается... спасения нет?

— Кто ж спорит? Старина Ху вчера в учительской заливался слезами, аж смотреть тяжело было, сердце разрывалось. И небеса ведь слепые, нет бы сжалиться.

У Ло Наньшэн сжалось сердце. Забыв о том, что подслушивать неэтично, она быстро шагнула внутрь и спросила:

— Учителя, вы о дочке Учителя Ху говорите?

Оба преподавателя испуганно вздрогнули:

— Ло Наньшэн, ты что здесь делаешь?

Ло Наньшэн не ответила, лишь с тревожным вопросом уставилась на них:

— У дочери Учителя Ху действительно проблемы с сердцем?

Одна из учителей, преподававшая английский язык в первом классе, тяжело вздохнула и ответила:

— Да. Вроде бы какой-то дефект сердечного клапана? Во всяком случае, краем уха я слышала, что у нее с самого детства в сердце была трещина. Обычно с возрастом у детей такие вещи сами затягиваются, но у дочки Учителя Ху она не заросла, а наоборот, стала только больше.

Обнаружили это недавно, а нынешний уровень медицины тут совершенно бессилен.

Ло Наньшэн опешила:

— А Учитель Ху?..

Англичанке тоже было тяжело на душе, ее глаза постепенно покраснели:

— Учитель Ху подал заявление об уходе. Сказал, что хочет посвятить себя заботе о ребенке, и даже если надежды нет, он обязан пройти с дочерью весь оставшийся путь до конца.

Ло Наньшэн подняла голову:

— Учитель, я хочу отпроситься на полдня. Пожалуйста, передайте Старому Чэну.

С этими словами она вихрем вылетела из комнаты, не оглядываясь. На призывы учительницы английского она не отреагировала, и та остановила коллегу, которая пыталась ее догнать:

— Пусть идет. У нее семья обеспеченная, если и впрямь удастся что-то придумать, глядишь, ребенка удастся спасти.

Лишь на следующий день Ло Наньшэн появилась в классе, выглядя непривычно подавленной. Ся Чуцин тут же схватила ее за рукав:

— Я просила тебя принести воды, а тебя занесло куда-то в другую галактику? Почему ты вернулась только сейчас?

Ло Наньшэн только теперь вспомнила:

— Прости, вчера были срочные дела, совсем вылетело из головы.

Ся Чуцин подозрительно прищурилась:

— Что с тобой?

Ло Наньшэн покачала головой. Поразмыслив, она сочла неправильным позволить Учителю Ху вот так просто уйти, поэтому позвала старосту и вкратце пересказала случившееся:

— Вчера дома я расспросила всё подробно, моя семья тоже сделала всё возможное, но нынешний уровень медицины бессилен. При таких проблемах помочь действительно нельзя.

Ся Чуцин прикрыла рот рукой, ее глаза покраснели:

— Значит, ей остается только ждать смерти?

Ло Наньшэн опустила голову:

— Прости, я правда старалась.

Ся Чуцин обняла ее за руку и сквозь слезы произнесла:

— Ашэн, я вовсе не обвиняю тебя. Просто мне кажется, что для такого маленького ребенка это невероятно несправедливо.

Староста поднялся со своего места:

— Старина Ху вел нас два года, мы не можем позволить ему уйти вот так.

Ло Наньшэн кивнула:

— Я придерживаюсь того же мнения. Сегодня у нас будет его последний урок, давайте все вместе попрощаемся с ним.

Последним уроком утром была химия. Старина Ху вошел в класс, прижимая к груди стопку учебников, с осунувшимся и бледным лицом. Он обвел взглядом учеников, словно собираясь что-то сказать, но в итоге промолчал и лишь с натянутой улыбкой произвел:

— Начинаем урок.

Некоторые девочки, воспользовавшись тем, что он повернулся к доске, поспешно уткнулись в парты, вытирая слезы. Все заранее договорились провести этот последний урок предельно внимательно, чтобы Учитель Ху мог уйти со спокойной душой.

Даже в самом сильном классе всегда найдется пара хулиганов, но на этот раз абсолютно все вели себя образцово. Даже те, кто ненавидел химию больше всего на свете, участвовали в уроке с искренним интересом и активностью. Старина Ху, казалось, что-то почувствовал: ко второй половине урока приклеенная на лицо улыбка окончательно увяла, и под конец занятия он больше не смог сдерживаться.

— Сегодня для меня последний раз, когда я веду у вас занятие, а ваша младшая сокурсница...

— глаза старины Ху налились слезами. — Сейчас она как никогда нуждается во мне. С завтрашнего дня к вам придет новый преподаватель, пожалуйста, ладите с ним. Я буду невероятно счастлив, если каждый из вас поступит в университет.

С последними словами прозвенел звонок с урока. Девочки больше не смогли сдерживаться и в голос зарыдали:

— Учитель! Вы навсегда останетесь нашим учителем!

Старина Ху смахнул слёзы, опустил голову и, прижав к груди книгу, вышел из класса. Неизвестно, кто именно затянул песню:

— Я появился на свет случайно, словно крупца пыли...

Остальные ученики один за другим подхватывали мотив. Пение не смогло утихнуть даже тогда, когда они спустились на первый этаж: мелодия казалась разлитой в самом воздухе. И крепкий мужчина Старина Ху стоял внизу у крыльца и плакал навзрыд, совсем как ребенок.

Как бы ни было тяжело на душе, жизнь продолжалась. На следующий день в классе появился новый учитель химии — суровый мужчина с глубокими складками между бровей, которые явно свидетельствовали о привычке постоянно хмуриться. Человек он оказался желчный и едкий: с самого первого урока решил продемонстрировать жесткий характер, проехавшись с едкой критикой по всем наиболее заметным ученикам. Половину учебного времени он потратил на то, чтобы ядовито отчитывать класс, и даже когда прозвенел звонок, выглядел так, будто не до конца высказался.

Несколько ребят, которым приспичило в туалет, чуть сместились на стульях, но учитель заметил движение и тут же разразился новой тирадой:

— Некоторые ученики в плане учебы из себя ничего не представляют, зато во всем остальном весьма преуспевают, например в синдроме гиперактивности. Мне искренне хочется выразить сочувствие вашим матерям за их тяжкий труд, хотя, пожалуй, их судьба еще горше. Человек, который не способен совладать с собственным телом, кем он станет, когда вырастет? Какая от вас польза, кроме того, что вы создаете нагрузку на государство и переводите воздух? Да вы даже как мусор не подлежите переработке!

Лица парней покраснели до багровости, они сверлили преподавателя химии яростными взглядами. Учитель же, напротив, лишь сильнее расшвырялся, и потоку оскорблений не было конца.

Ло Наньшэн уже давно исчерпала запас терпения и молчала исключительно из уважения к его статусу. Но сейчас, видя, как несколько девочек довели до слез, сдерживаться она больше не могла.

— Учитель, вы говорите, что мы транжирим жизни. Но в худшем случае мы тратим лишь собственную жизнь, а вы прямо сейчас бездарно растратите нашу. Растрата чужого времени равносильна грабежу и убийству! Как вы, будучи педагогом, можете заниматься столь подлым делом?

Химик взбесился:

— Кто позволил тебе разговаривать в таком тоне с учителем? Ваши родители именно так вас воспитывали?..

— Не ваше дело совать нос в то, как меня воспитывали родители! — перебила его Ло Наньшэн.

— Я задам вам вопрос: в чем заключается долг преподавателя?

— А ну вон из класса!

Ло Наньшэн поднялась из-за парты, презрительно выгнув бровь:

— У вас нет полномочий выгонять меня. Не забывайте, сейчас перемена, и это вы крадете наше время!

Учитель химии в ярости уставился на нее:

— Такую ученицу я учить не намерен! Как твоя фамилия? Я доложу о тебе руководству, пусть вызывают твоих родителей!

Ло Наньшэн усмехнулась:

— Только дети любят жаловаться родителям. Учитель, вы уже в таком возрасте, а от грудного вскармливания всё отвыкнуть не можете?

Класс грохнул от хохота, ученики начали хлопать по партам:

— Молодец, молодой Ло!

Химик бросил на нее лютый взгляд, с грохотом захлопнул дверь и вышел. Несколько девочек заволновались:

— Ло-шао, а вдруг он все перевернет и побежало жаловаться директору?

Парни же держались уверенно:

— Чего бояться? Если возникнут проблемы — постоим друг за друга.

Ло Наньшэн пресекла их разговоры:

— Всё, хватит. Разве вам не нужно в туалет? Чего ждете?

Не успел голос затихнуть, как прозвенел звонок, и ребят со вздохами пришлось вернуться на места. Вскоре в кабинет вошел классный руководитель:

— Занимайтесь самостоятельно, а Ло Наньшэн пусть зайдет в кабинет завуча.

Несколько парней тут же подорвались со своих мест:

— Ло-шао, мы с тобой!

Ло Наньшэн легко улыбнулась:

— Сначала разберитесь со своими естественными надобностями.

Ся Чуцин схватила ее за руку:

— Я пойду с тобой.

— Перестань, зачем тебе идти?

— Буду свидетелем.

— И я пойду!

— И я!

Не имея выбора, Ло Наньшэн со свитой хвостов во главе целой процессии ввалилась в кабинет завуча. Завуч встретил их хмурым взглядом и рявкнул:

— Вы почему не на уроках? Какого черта притащились сюда?

Ся Чуцин шагнула вперед:

— Учитель, мы готовы отработать этот урок на выходных в качестве наказания, но сегодня мы обязаны выступить свидетелями.

— Свидетелями чего?

Ся Чуцин перевела взгляд на сидевшего с кислым лицом учителя химии:

— Посмотрим, как наш преподаватель химии станет исказить факты и черное называть белым.

— Наглость! — завуч хлопнул ладонью по столу. — Это что за манера общения с педагогами?

— Это он первый оскорбил нас! Сказал, что мы не подлежащий переработке мусор!

— Да! Еще заявил, что наши родители родили нас лишь для того, чтобы увеличить бремя общества!

— Ладно бы только нас оскорблял, но он задел и наших родителей! И что с того, что наши семьи занимаются земледелием? Какое у него право нас оскорблять?

Ученики кипели от праведного гнева. Завуч тщетно пытался утихомирить их стуком по столу, пока Ло Наньшэн не взмахнула рукой, успокаивая ребят, после чего обратилась к завучу:

— Зачем вы меня звали?

— Ты разве сама не знаешь, что натворила? Как ты смела публично пререкаться с

преподавателем?

Ло Наньшэн усмехнулась:

— В чем заключается долг учителя?

— Разумеется, наставлять учеников.

— Прекрасно сказано, — Ло Наньшэн захлопала в ладоши. — Но наш высокочтимый учитель Гао с порога начал сыпать насмешками: тех, кто учится хуже, обозвал транжирами воздуха, тех, кто лучше — лягушками на дне колодца. Любое наше движение объявлялось преступлением. Даже конспекты мы записываем не как деревянные болванки, мы ведь не можем фиксировать материал силой мысли! Но он не унимался и довел до слез нескольких девочек. Мне вот интересно: даже если мы смотрим на мир со дна колодца, то первая школа — колодец довольно-таки просторный. Как же вышло, что после одного его урока мы все разом превратились в безнадежный мусор?

Завуч покосился на учителя химии:

— Это правда?

Тот потупил взгляд и принялся изворачиваться:

— Я видел, что они ведут себя развязно и безответственно. Скоро выпускные экзамены, я просто переживаю за них.

Завуч тяжело вздохнул: преподаватель Гао был хорошим специалистом, но язык у него был слишком острым, отчего среди учеников популярностью он не пользовался. Однако до столь масштабных скандалов дело еще не доходило.

— Ваш учитель Гао тоже переживает за вас. Как бы то ни было, ученикам непозволительно дерзить старшим. Давайте так: раз все собрались здесь, просто извинитесь перед учителем.

Ни один из учеников не сдвинулся с места. Завуч грозно округлил глаза:

— Что такое? Мое слово уже ничего не значит?

Ло Наньшэн закатила глаза:

— Учитель, дело не в том, что мы упрямы. Стоит нам извиниться, как мы автоматически признаем его правоту, и тогда в дальнейшем его поведение станет только хуже. Мы ведь в выпускном классе, нагрузка и так колоссальная. Если к тому же нас ежедневно будут третировать и делать мальчиками для битья, боюсь, я наложу на себя руки.

Ся Чуцин тут же шагнула вперед:

— Именно! У меня на душе сейчас так паршиво, я уже всерьез сомневаюсь, а не мусор ли я на самом деле. Учитель, мне кажется, по возвращении домой придется обратиться к психотерапевту, иначе разовьется депрессия.

Цзинь Сюэ тоже подхватила идею:

— А я только что думала: не сброситься ли мне со второго этажа? Слава богу, он сказал, что после смерти мы еще и землю испортим своей гибелью — испугалась нанести ущерб экологии, вот и передумала прыгать.

Ученики наперебой заговорили один за другим: один жаловался на депрессию, другой — на суицидальные мысли. Даже понимая, что подростки несут откровенную чушь, завуч ничего не мог поделать. Выпускникам и без того тяжело, а в последнее время в новостях только и писали, что о прыгающих из окон школьников. Если эту золотую молодежь школы и впрямь довести до ручки, ответственность ему нести не захочется.

К счастью, классный руководитель вовремя сгладил углы:

— Ладно, сегодня химик проявил великодушии и не стал привлекать вас к строгой ответственности. Больше чтоб подобного не повторялось! Если случится еще хоть что-то похожее, одним написанием объяснительных вы уже не отделаетесь. Не думайте, что раз вы старшекласники, вам всё дозволено. А теперь марш на уроки!

Напоследок он выразительно зыркнул на Ло Наньшэн, намекая, чтобы та умерила пыл остальных.

Едва выйдя из административного корпуса, ребята радостно стукнулись ладонями. Ло Наньшэн шла сзади, а Ся Чуцин с улыбкой спешила присвоить заслуги себе:

— Ну как, я отлично сегодня подыграла?

Ло Наньшэн не поскупилась на похвалу:

— Неплохо. Не зря говорят, что с соседкою по парте у нас идеальная сыгранность.

Ся Чуцин горделиво задрала носок ботинка:

— И какая мне за это награда?

— Чего ты хочешь?

Ся Чуцин украдкой прижалась к ее руке:

— Я хочу, чтобы ты сходила со мной на свидание в Рождество.

— Свидание? — Ло Наньшэн приподняла бровь.

— То есть нет... погулять. Точно, просто погулять вместе.

Заметив, что Ло Наньшэн молчит, она кокетливо тряхнула ее за руку, и той пришлось сдаться:

— Ладно, уговорила.

Признание Первого поцелуя

Поскольку в первый же день ученики первого класса устроили учителю химии показательную порку — во главе с зачинщицей Ло Наньшэн, — новенький преподаватель затаил на нее лютую обиду. Однако за спиной половины учеников класса стояли чрезвычайно влиятельные семьи, а оставшаяся половина демонстрировала блестящую успеваемость. Не говоря уже о том, что он сам был неправ с самого начала, а если бы ребята всерьез взбунтовались и потребовали его замены, большой проблемы бы не возникло.

Тем не менее хорошего отношения к первому классу он не скрывал. Если обычно преподаватели после уроков выделяли ключевые моменты темы или советовали дополнительные задачи, то этот не делал ровным счетом ничего, пустив учебу на самотек. Ребята кипели от злости, но поймать его на промахах не могли, чувствуя свою беспомощность.

После занятий ученики предложили навестить Учителя Ху. Когда группа добралась до больницы, было еще относительно рано, и Учитель Ху с удивлением спросил:

— Разве у вас не вечерняя самоподготовка?

Все потупились, и Ло Наньшэн была вынуждена объяснять их конфликт с учителем химии:

— Вечернее время выделили под химию, но учитель Гао только заглянул в дверной проем, ушел в третий класс и больше не показывался. Мы уже закончили всю домашнюю работу, поэтому решили зайти проведать вас.

Учитель Ху от волнения задышал тяжелее:

— Этот Гао... неужели он настолько безответственен?

Ученики опустили головы:

— Учитель, вернитесь к нам. Если он станет портить нам жизнь весь год из-за затаенной обиды, мы боимся, что все наши перспективы пойдут прахом.

Учитель Ху с затрудненным вздохом покачал головой. Ло Наньшэн с улыбкой успокоила его, сгладив напряжение в группе, после чего они ненадолго заглянули к девочке и распрощались.

Учитель Ху проводил их до выхода:

— Может, мне завтра заглянуть в школу и поговорить с новым учителем?

Ло Наньшэн остановила его:

— Не нужно. Он человек мелочный и злопамятный, только хуже сделает, еще и на вас злость сорвет. Не переживайте за нас: пока я здесь, падения успеваемости не допустим.

Учитель Ху отлично знал способности Ло Наньшэн, которая порой не уступала профессиональным преподавателям. Услышав это, он хоть и продолжал волноваться, но всё же немного успокоился.

Расходясь по домам, Ся Чуцин семенила следом за Ло Наньшэн и, заметив ее мрачное выражение лица, поинтересовалась:

— У тебя настроение испортилось?

Ло Наньшэн со злостью пнула попавшийся под ноги камешек:

— Добрые люди долго не живут, а заразы коптят небо тысячелетиями.

Ся Чуцин придержала ее за локоть:

— Время еще не пришло.

Ло Наньшэн не поняла:

— Что ты имеешь в виду?

Ся Чуцин легонько ткнула ее в лоб:

— Сказать, что ты умная — так умнее тебя поискать; но временами ты бываешь просто невыносимым бревном. Ты разве не видела сегодня дочку Учителя Ху? Судя по всему, ей осталось недолго. Я заметила, что сегодня все домашние Учителя Ху ходили словно в воду опущенные. Если девочка действительно не выдержит, неужели Учитель Ху не сломается?

Ло Наньшэн задумчиво протянула:

— Ты хочешь сказать, что пока учитель Гао пусть занимает его место?

Ся Чуцин кивнула:

— Благодаря твоей помощи нам не придется опасаться за оценки. А если с дочкой Учителя Ху случится худшее... оставшись без работы, он целыми днями будет пожираем тоской и болью. Если тогда мы снова позовем его вести уроки, это даст ему хоть какое-то занятие и отвлечет от

тяжелых мыслей. К тому же Учитель Ху не может вечно сидеть без дела, надо же как-то жить дальше и смотреть вперед.

Хотя на душе у Ло Наньшэн скребли кошки, она понимала правоту слов Ся Чуцин. С удивлением подняв голову, она произнесла:

— Надо же, а в тебе кроется немалый расчет!

Ся Чуцин с досадой шлепнула ее по плечу:

— Просто мне претит манера поведения учителя Гао. Если за это время он исправится — ладно, я больше не стану поднимать вопрос. Но если он и дальше продолжит в том же духе, пусть пеняет на себя.

Ло Наньшэн щелкнула ее по лбу:

— Какая же ты грозная.

Разозленная Ся Чуцин бросилась за ней в погоню. После короткой возни тяжесть, давившая на сердце Ло Наньшэн, рассеялась, и она с хорошим настроением махнула рукой:

— Пойдем, угощу тебя ужином.

Ся Чуцин с улыбкой догнала ее:

— Я буду лапшу.

<http://bllate.org/book/21166/2144637>